

*Посвящается моей жене Мохинисо.
Она — лучшее, что подарила мне жизнь*

Небо над полями сражений во Франции покрывали низкие синюшно-свинцовые тучи; тяжелые и будто исполненные чувства собственного достоинства, они не спеша катились в сторону германских позиций.

Бригадный генерал Шон Кортни провел здесь уже четыре года и острым глазом фермера и скотовода научился предугадывать погоду так же точно, как и на родных просторах Африки.

— Вечером снег пойдет, — проворчал он.

— Ничего удивительного, сэр, — отозвался лейтенант Ник ван дер Хеевер, дежурный офицер, оглянувшись на него через плечо.

Нагружен ван дер Хеевер был тяжело. Кроме винтовки и патронташа, он тащил на себе брезентовый ранец, поскольку генерал Кортни собирался нагрянуть в офицерскую столовую Второго батальона, чтобы там пообедать. Однако в данный момент ни сам полковник, ни остальные офицеры батальона не догадывались о чести, что скоро им будет оказана, и Шон злорадно ухмылялся, предвкушая, какую панику вызовет его неожиданный визит. И только содержимое ранца предназначалось в качестве пусть небольшого, но вознаграждения за пережитое потрясение: там лежало с полдюжины бутылок шотландского виски и жирный гусь.

Шон прекрасно знал, что для подчиненных столь непринужденные манеры их командира, его неожиданные, без предупреждения и без свиты, визиты на передовую носят, мягко говоря, дезорганизирующий характер.

Неделю назад он снял трубку полевого телефона и случайно подслушал разговор между двумя офицерами, майором и капитаном.

— Этот старый хрыч думает, что тут у нас война с бурами. Ты что, не можешь как-нибудь придержать его в штабе?

— Легко сказать... попробуй удержи слона.

— Ну, по крайней мере, предупреждай, когда он идет...

Шон снова усмехнулся и поплелся дальше за своим адъютантом; по ногам в обмотках хлопали полы шинели, а голова под каской, смахивающей на суповую тарелку, из-за холодной погоды была замотана шелковым шарфом. Доски, проложенные в траншее, пружинили под тяжестью двух мужчин, липкая грязь булькала и хлопала под ногами.

Эту часть передовой он не знал; не прошло еще и недели, как бригада вышла на позиции. Но в нос ему ударил хорошо знакомый смрад. Затхлый, пахнущий плесенью запах сырой земли и грязи, густо насыщенный ароматами гниющей плоти и нечистот и застоялым душком, оставленным сгоревшим бездымным порохом и разрывами фугасов.

Шон принюхался и с отвращением сплюнул. Он знал, что не пройдет и часа, как перестанет замечать эту вонь, но сейчас казалось, что она ложится на гортань изнутри, словно холодная смазка. Он снова посмотрел на небо и нахмурился. То ли ветер переменился и тянул теперь с востока, то ли в лабиринте траншей они не туда свернули, но низкие тучи катились уже совсем не в том направлении, на которое, как он прекрасно помнил, указывала карта.

— Ник!

— Да, сэр!

— Ты, случайно, не заблудился?

В глазах оглянувшегося на него подчиненного мелькнула неуверенность.

— Как вам сказать, сэр...

Последние четверть мили траншеи оказались пусты, им не встретилось ни единой души в этом запутанном лабиринте меж высокими земляными стенками.

— Надо бы осмотреться, Ник.

— Слушаюсь, сэр.

Ван дер Хеever бросил быстрый взгляд вперед вдоль траншеи и сразу обнаружил то, что искал. У следующего перекрестка стояла прислоненная к стенке деревянная лестница. Она доставала до самого верха бруствера из мешков с песком. Лейтенант двинулся к ней.

— Будь осторожен, Ник! — крикнул ему в спину Шон.

— Слушаюсь, сэр, — ответил молодой человек. Он прислонил винтовку к стенке траншеи и полез вверх.

Шон прикинул, что до передовой они не дошли ярдов триста-четырееста, а смеркается довольно быстро. Воздух под низкой облачностью окрасился в мягкий пурпурный цвет, для точной стрельбы такого освещения маловато, а кроме того, Шон знал, что, несмотря на свой возраст, ван дер Хеever — вояка опытный. Выглядывать поверх бруствера надо быстро — как сурикат выглядывает из своей норы.

Вот лейтенант присел на корточки на самом верху лестницы; быстро высунув голову, огляделся и сразу же нырнул вниз.

— Холм далеко слева, — сообщил он.

Холмом они называли округлый курган, поднимавшийся не более чем на сто пятьдесят футов над однообразной, почти лишенной ориентиров равниной. Когда-то его покрывал густой лес, но теперь от леса остались расщепленные обрубки стволов высотой по пояс, а склоны были усеяны воронками разрывов.

— А ферма далеко? — спросил Шон, глядя вверх.

Ферма представляла собой прямоугольник раздолбанных стен без крыши прямо перед участком, который оборонял батальон. Для артиллерии, пехоты и авиации ферма являлась главным ориентиром.

— Сейчас посмотрю, — отозвался ван дер Хеевер и снова высунул голову.

Выстрел винтовки «маузер» очень похож на резкий щелчок, громкий и неприятный; в своей жизни Шон так часто слышал этот звук, что научился точно определять расстояние, с которого стреляли, и направление выстрела.

Одиночный выстрел с пяти сотен ярдов, сделанный прямо напротив.

Голова ван дер Хеевера дернулась назад, словно он получил тяжелый удар кулаком, и сталь его каски прозвенела, как гонг. Подбородочный ремешок с треском порвался; круглая каска, крутясь, высоко взлетела в воздух, а затем упала на доски, устилающие дно траншеи, и покатилась в лужу серой грязи.

Какое-то мгновение руки ван дер Хеевера еще держались за верхнюю перекладину лестницы, потом пальцы вяло разжались, он опрокинулся назад и тяжело повалился на дно траншеи; полы его шинели взметнулись, как крылья, и опали.

Шон застыл на месте, не в силах поверить, что Ника подстрелили. Разум не желал примириться с этим, но, как старый солдат и к тому же охотник, он, несмотря на весь ужас случившегося, пытался оценить этот выстрел.

Что за стрелок там засел? Пять сотен ярдов, да еще в этом сумеречном свете, — сначала над бруствером промелькнула голова в каске, за три секунды следовало прикинуть дальность и направление, направить ствол и, когда всего на мгновение снова показалась голова, быстро взять на мушку и сделать выстрел. Фриц, совершивший такое, либо снайпер-виртуоз с реакцией леопарда, либо просто самый удачливый стрелок на всем Западном фронте.

Все это быстро пронеслось в голове Шона, когда он тяжелой походкой подошел к своему адъютанту и опустился перед ним на колени. Взяв лежащего за плечо, развернул к себе; к горлу подкатила тошнота, грудь охватил ледяной холод.

Пуля попала в висок и вышла за противоположным ухом.

Шон приподнял его пробитую голову и опустил себе на колени. Сняв с себя каску, стал разматывать шелковый шарф. Отчаяние душило его.

Он аккуратно обернул шарфом голову парня, и сквозь тонкую ткань сразу проступила кровь. Пользы от этого никакой, но, по крайней мере, руки заняты и не так остро ощущается собственная беспомощность.

Он уселся на грязные доски, склонив над телом этого еще совсем мальчика отяжелевшие плечи. Голова Шона казалась еще больше из-за густой вьющейся шевелюры темных, жестких как проволока, словно подернутых инеем, волос с проседью. Короткую густую бороду тоже прошивала седина, а большой крючковатый нос смотрел в сторону, словно сломанный.

Только черных лоснящихся изогнутых бровей седина не коснулась да темно-синие глаза оставались чисты, смотрели живо и твердо, как у совсем еще молодого человека.

Долго сидел так Шон Кортни, обнимая мальчика; наконец, глубоко вздохнув, положил его голову на землю. Потом встал, закинул ранец на плечо и двинулся по ходам сообщения дальше.

За пять минут до полуночи полковник, командир Второго батальона, нырнул под светомаскировочную штору, скрывающую вход в офицерскую столовую. Выпрямившись, рукой в перчатке стряхнул с плеч снег.

Еще полгода назад эта офицерская столовая, зависть всей бригады, являлась немецким блиндажом. Расположенная на тридцать футов ниже уровня земли, она оставалась неуязвимой даже во время самого мощного артиллерийского обстрела. Пол был сработан из толстых деревянных брусьев, и даже стены были обшиты защищающими от холодной сырости панелями. У задней стенки жарко пылала пузатая печка. Вокруг нее на трофейных стульях полукругом расселись свободные от службы офицеры. Полковник сразу углядел среди них

дородную фигуру генерала, расположившегося поближе к огоньку в самом большом и удобном кресле; сбросив шинель, командир батальона поспешил к нему.

— Генерал, прошу меня простить. Если бы я знал, что вы придете... я был на обходе.

Хмыкнув, Шон Кортни тяжело поднялся с кресла и пожал ему руку.

— Иного я от вас и не ждал, Чарльз. Но ваши офицеры приняли меня радушно... мы оставили вам кусочек гуся.

Полковник быстро оглядел офицеров и слегка нахмурился: щеки его молодых подчиненных покраснелись, в искрящихся глазах бегали чертики. Выпивать с генералом — сущее безрассудство, и его долг — предостеречь их от подобного. Сам старик, разумеется, тверд как скала, глаза его под черными бровями сверкали, как штыки, но полковник слишком хорошо его знал и потому догадывался, что в желудке у него плещется не менее кварты шотландского виски и что генерал чем-то глубоко обеспокоен. Тут до него наконец дошло. Ну конечно...

— Я крайне сожалею о том, что случилось с юным ван дер Хеeverом, сэр. Вахмистр успел доложить мне об этом.

Шон сделал успокоительный жест, но глаза его на мгновение омрачились.

— Если бы я только знал, что вы идете сегодня вечером на передовую, сэр, — продолжал полковник, — я бы вас предупредил. С этим чертовым снайпером беда, да и только. Началось буквально с первого же дня, как мы здесь. Один и тот же тип, разумеется. Меткая сволочь, жуть. Ничего подобного я прежде не видел. Кругом полное затишье, а у нас просто кошмар. Всю неделю потери.

— Какие приняли меры? — задал вопрос Шон.

Все увидели, как лицо его потемнело от гнева, и в разговор быстро вмешался старший адъютант:

— Я говорил с полковником Кейтнесом, он командир Третьего батальона, сэр, и он согласился прислать к нам Андерса и Макдональда...

— Так вы с ним договорились! — радостно воскликнул полковник. — Вот это хорошо, просто замечательно! Никак не ожидал, что Кейтнес расстанется с этой своей парочкой.

— Уже утром они были у нас и весь день изучали обстановку. Я предоставил им полную свободу действий. Как я понимаю, охоту они начнут завтра.

Молодой капитан, командир роты «А», вынул часы и посмотрел на циферблат:

— Они начнут на моем участке, сэр. Я как раз собирался идти туда, пожелать им удачи. На позиции они выдвигаются в половине первого. Если вы не возражаете, сэр.

— Нет, конечно, — отозвался полковник. — Шагай, Дики, пожелай им удачи и от меня тоже.

Андерса и Макдональда в бригаде знали все.

— Я бы хотел познакомиться с ними, — неожиданно заявил Шон Кортни.

Полковник с готовностью согласился:

— Конечно, сэр. Я тоже пойду с вами, сэр.

— Нет-нет, Чарльз, вы и так всю ночь провели на холоде. Достаточно будет Дики.

С полночного темного неба густо валил снег. Он приглушал ночные звуки, окутывая все вокруг плотной пеленой; даже размеренные очереди станкового пулемета системы Виккерса, бьющего в брешь колючей проволоки на левом фланге батальона, были почти не слышны.

Марк Андерс сидел, завернувшись в одеяло, которое ему здесь одолжили; он склонил голову к лежащей у него на коленях книжке, пытаясь в колеблющемся свете свечного огарка разобрать буквы.

Явное потепление, сопровождающее снегопад, и тишина вместо звуков, доносящихся снаружи крохотной

землянки, разбудили человека, который спал рядом. Он покашлял и, перевернувшись на другой бок, приоткрыл щелку в брезентовом пологе.

— Черт побери, — проворчал он и снова закашлялся утренним кашлем заядлого курильщика. — Этого еще не хватало, зараза! Снег пошел. — Он снова повернулся к Марку. — Все читаешь? — хриплым голосом спросил он. — Вечно сидишь носом в книгу. Глаза испортишь... как потом будешь стрелять?

Марк поднял голову.

— Снег идет уже целый час, — проговорил он.

— Все читаешь, читаешь... зачем тебе все это надо? — гнул свое Фергюс Макдональд; его оказалось не так-то легко сбить с мысли. — Что тебе это дает?

— Не люблю снег, — сказал Марк. — Мы не рассчитывали, что начнется снегопад.

Снег значительно усложнял стоящую перед ними задачу. Он накроет мягкой белой мантией всю землю. Кто бы ни попытался выползти из траншеи на нейтральную землю, он оставит после себя след, который с рассветом выдаст его внимательному врагу.

Фергюс зажег спичку. Прикурив две дешевые сигареты, одну передал Марку. Закутанные в одеяла, они сидели рядышком, прижавшись друг к другу.

— Послушай, Марк, ты ведь можешь отменить охоту. Пошли их подальше, и все. Ты ведь доброволец, слышь, парень.

Минуту они курили молча.

— Этот фриц очень опасен, — ответил наконец Марк.

— Если снег не закончится, он и сам завтра не вылезет. Будет лежать себе и плевать в потолок.

Марк задумчиво покачал головой:

— Если он настолько хорош, обязательно выйдет.

— Да, — кивнул Фергюс. — Такой он и есть. Вспомни выстрел вчера вечером... весь день пролежать на холоде, потом с пятисот ярдов словно в упор, да еще почти в темноте... — Фергюс прервал себя, потом быстро

продолжил: — Но ведь и ты парень не промах. Ты у нас лучший.

Марк ничего не сказал, только аккуратно сбил пальцем с сигареты горящий кончик.

— Ну что, идешь? — спросил Фергюс.

— Да.

— Тогда поспи хоть немного. День у тебя будет долгий.

Марк задул огарок свечи, лег на спину и натянул одеяло на голову.

— Вот-вот, тебе надо хорошенько выспаться, — повторил Фергюс. — Когда надо будет, я разбужу.

Он с трудом подавил желание отечески потрепать товарища по худенькому плечу под одеялом.

Молодой капитан что-то тихо сказал стоящему на стрелковой ступеньке окопа часовому.

— Туда, сэр, — шепотом ответил ему тот и подбородком указал вдоль затемненной траншеи.

Ступая по доскам, капитан пошел дальше; закутанный в шинель, он сейчас походил на медведя. Ростом на целую голову выше, Шон двинулся следом. За поворотом они увидели сквозь мягкую пелену падающего снега вырытую в стенке траншеи небольшую землянку, а в ней — тускло светящую красным жаровенку. Вокруг нее на корточках, словно собравшиеся на шабаш ведьмы, сидели темные фигуры.

— Сержант Макдональд!

Одна из фигур поднялась и выступила вперед.

— Я, — послышался ответ, в тоне которого чувствовалась самоуверенность, если не дерзость.

— Андерс с вами?

— Куда он денется, — ответил Макдональд.

Еще одна из окружающих жаровню фигур встала и сделала шаг вперед. Андерс, будучи повыше ростом, двигался с грацией, как спортсмен или танцор.

— Ну как, Андерс, готовы? — спросил капитан тихим окопным полусшепотом.

За молодого товарища ответил Макдональд:

— Парень в отличной форме, сэр.

Он проговорил это властным голосом — ни дать ни взять импресарио боксера-профессионала. Сразу ясно, что парень — его собственность и своего высокого мастерства самостоятельно он никогда бы не достиг.

Как раз в этот момент высоко в небе, словно белый огонь, приглушенный падающим снегом, вспыхнула яркая осветительная ракета.

В людях Шон разбирался не хуже, чем в лошадях. В любой толпе мог четко определить человека с гнильцой или, напротив, человека доброго и великодушно-го. Эту способность он приобрел с жизненным опытом, подкрепленным глубокой природной проницательностью.

В свете ракеты взгляд его быстро пробежал по лицу сержанта, который оказался старше своего протеже. Костлявое, худосочное лицо обитателя трущоб, близко поставленные глазки, тоненькие губы с опущенными уголками. Словом, ничего примечательного. Шон перевел взгляд на его товарища.

Светло-карие, широко поставленные, ясные глаза поэта или человека, который всю жизнь прожил в открытых до самого горизонта просторах земли. Веки широко распахнуты и не закрывают радужной оболочки, так что виден чистый белок вокруг роговицы, свободно плавающей, словно полная луна. Шон встречал такие глаза всего несколько раз в жизни, и впечатление от столь прямого, искреннего и пронизывающего взгляда оказывалось почти гипнотическим: казалось, такой взгляд проникает Шону в самую душу.

За первым впечатлением, когда они обменялись взглядами, последовали другие. Прежде всего Шона поразила чрезвычайная молодость этого человека. Где-то между семнадцатью и двадцатью... скорее, все-таки семнадцать — так показалось Шону. Потом он сразу отметил изящное сложение этого мальчика. Несмотря на ясную безмятежность взгляда, он был подтянут и собран,

как сжатая пружина, в любую минуту готовая распрямиться. За последние четыре года Шон часто встречал такое. Особый дар этого мальчика обнаружился сразу, и его безжалостно эксплуатировали все — и Кейтнес, командир Третьего батальона, и похожий на хорька Макдональд, и Чарльз, и Дики, а теперь вот и он, сам Шон. Использовали его немилосердно, то и дело посылая за линию фронта.

Парень держал в руке дымящуюся кружку с горячим кофе; из рукава шинели торчало худенькое запястье, усеянное красными точками укусов злющих вшей. Шейка мальчика, тоненькая и длинная, каким-то странным образом все же удерживала голову; щеки выглядели ввалившимися, глаза глубоко запали.

— Это генерал Кортни, — сказал капитан.

Когда свет ракеты померк, Шон вдруг увидел, как осветились глаза юноши новым светом, и услышал, что от страха и восхищения у парня перехватило дыхание.

— Ну здравствуй, Андерс. Я много о тебе слышал.

— А я о вас много слышал, сэр.

Откровенно восторженный тон мальчика не понравился Шону. Небось наслушался всех этих историй, с досадой подумал он. В полку все гордились им, и каждому новобранцу рассказывали про Шона героические байки. И с этим ничего поделать было нельзя.

— Большая честь познакомиться с вами, сэр, — добавил мальчик.

Он проговорил это запинаясь, даже слегка заикаясь — еще один признак, говорящий о серьезном напряжении, — однако слова его прозвучали искренне.

Перед ним стоял легендарный Шон Кортни, человек, заработавший на золотых приисках Витватерсранда пять миллионов фунтов стерлингов и мгновенно, по капризу судьбы, потерявший все до единого пенни. Шон Кортни, который гонялся за предводителем буров генералом Леру по всей Южной Африке и в конце концов после страшной рукопашной схватки взял его в плен. Воин, который в узком ущелье отбил свирепые атаки зулусских

отрядов Бомбаты, а потом оттеснил их прямо на поджидющие в засаде пулеметы; который вместе со своим бывшим врагом генералом Леру участвовал в подготовке и написании Устава Союза, объединившего четыре независимых государства Южной Африки в единое и могучее целое. Человек, который заработал еще одно огромное состояние, включающее землю, крупный рогатый скот и строевой лес; тот самый, который отказался от поста в кабинете Луиса Боты, а также поста главы Законодательного совета Наталя и, возглавив полк, отправился во Францию. Естественно, что глаза этого мальчишки так разгорелись, а речь запиналась... Но все равно это раздражало Шона. «Мне шестьдесят лет, — криво усмехаясь, думал он, — я слишком стар, чтобы разыгрывать из себя героя».

Тем временем ракета погасла, и снова наступила темнота.

— У вас найдется еще одна кружка этого кофе? — спросил Шон. — Что-то я чертовски замерз.

Он взял в обе ладони протянутую кружку с обитыми краями и, устроившись поближе к жаровне, принялся шумно отхлебывать, дуя на горячий напиток. Остальные после недолгой паузы нерешительно последовали его примеру. Всем казалось несколько странным по-приятельски сидеть на корточках рядом с генералом. Наступило долгое молчание.

— Ты, случайно, не из Зулуленда? — неожиданно задал мальчишке вопрос Шон, чутким ухом уловив знакомый акцент. И, не дожидаясь ответа, продолжил на зулусском: — *Velapí wena?* Откуда ты родом?

— С севера, это за Эшове, на реке Умфолози, — легко и естественно перешел парень на зулусский, несмотря на то что не говорил на нем уже целых два года.

— А-а, эти места я хорошо знаю. Я там охотился, — сказал Шон и снова перешел на английский: — Значит, твоя фамилия Андерс? Я знал одного Андерса. В семьдесят девятом он занимался перевозками от залива

Делагоа. Как там его звали... Джоном, что ли. Да-да, Джоном. Старина Джонни Андерс. Случайно, не родственник? Может, отец?

— Дедушка. Мой отец рано умер. А у дедушки на Ум-фолози есть кусок земли. Там я и живу.

Парнишка, похоже, немного расслабился. В свете жаровни Шону показалось, что напряженные морщинки вокруг его губ разгладились.

— Я и не знал, что вы водите знакомство с такими бедняками, как мы, сэр, — подал голос Фергюс Макдональд, в его словах звучала едкая ирония. Сержант сидел наклонившись к жаровне, и Шон видел его язвительно искривленные губы.

Шон неторопливо кивнул. Так, значит, Макдональд — один из этих. Из тех, кто так настырно стремится установить новый порядок — с профсоюзами, Карлом Марксом и большевиками, кто бросает бомбы и обращается друг к другу «товарищ». Шон вдруг в первый раз обратил внимание на то, что у сержанта рыжие волосы, а с тыльной стороны ладоней — золотистые веснушки. Он снова повернулся к Марку Андерсу:

— Это дед научил тебя стрелять?

— Да, сэр, — в первый раз улыбнулся парень, согретый воспоминанием. — Он подарил мне мою первую винтовку, «мартини-генри». При выстреле — жуткое облако дыма, прямо как на лесном пожаре, зато на сто пятьдесят ярдов стреляла точно.

— С этой винтовкой я охотился на слонов. Прекрасная вещь, — согласился Шон и вдруг почувствовал, что, несмотря на огромную разницу в возрасте, целых сорок лет, он видит в парнишке друга.

Возможно, недавняя гибель другого блестящего молодого человека, Ника ван дер Хеевера, оставила в душе Шона болезненную пустоту, и теперь ему остро захотелось оказать отеческое покровительство этому юноше.

Фергюс Макдональд, похоже, это тоже почувствовал и, как ревнивая женщина, вклинился в разговор.

— Ну, парень, давай-ка, пора уже приготовиться, — сказал он.

Улыбка исчезла с губ Марка, хотя взгляд оставался все такой же спокойный. Он скованно кивнул, согнув свою тонкую шейку.

Фергюс Макдональд явно трясется над этим парнем, подумал Шон, словно тренер, готовящий своего бойца в раздевалке к бою. Сержант снял с юноши тяжелую и просторную шинель, китель. Под шерстяной рубашой и двумя вязаными свитерами на нем обнаружилась шерстяная, чуть не до пят нижняя рубаха. Шею грел шерстяной шарф, намотанный в несколько слоев.

Фергюс надел на него комбинезон, плотно закрывший собой несколько слоев остальной одежды — он не будет цепляться за ветки или развеиваться на ветру, привлекая внимание врага. На голову натянул шерстяную маску, оставляющую открытыми только глаза, а сверху кожаный шлем летчика — Шон сразу понял зачем. Британская стальная каска имеет широкие поля, а кроме того, от винтовочной пули она все равно не защитит.

— Марк, мой мальчик, главное — голову держи ниже.

Затем последовали двупалые перчатки с отрезанными пальцами, а сверху — толстые, просторные рукавицы.

— И почаще двигай пальцами. Не давай им замерзнуть.

Дальше небольшая кожаная сумка на ремне через плечо, удобно помещающаяся под мышкой.

— Там бутерброды с ветчиной и горчицей, шоколад и леденцы — все как ты любишь. Не забывай про еду, будет теплее.

Завершали экипировку четыре полные обоймы патронов: три — по карманам на бедрах комбинезона, одна — в особый карман на левом рукаве.

— Каждый патрон я смазал лично, — объявил Фергюс, главным образом для того, чтобы его услышал генерал. — Будут входить в ствол, как... — последовало грязное сравнение, которым Фергюс явно хотел продемон-

стрировать пренебрежение к чинам и званиям. Но Шон не обратил на это внимания, ему было интересно наблюдать за приготовлениями к охоте.

— Катберта высовывать не стану, пока солнце не поднимется высоко.

— Катберта? — переспросил Шон.

Фергюс хмыкнул и жестом показал на третью фигуру, неподвижно лежащую в глубине землянки. До этого Шон не замечал ее; Фергюс снова хмыкнул, увидев озадаченное выражение лица генерала, и протянул руку к этой фигуре.

Только теперь Шон понял, что это манекен, но при свете жаровни он выглядел вполне реалистично, голова в каске сидела на плечах довольно натурально, под правильным углом. Правда, кукла была изготовлена только до бедер, ниже торчала палка от метлы.

— Хотелось бы знать, как ты собираешься это сделать? — задал вопрос Шон, адресуя его юному Марку Андерсу, но за него ответил Фергюс.

— Вчера фриц стрелял с низкой точки северного склона холма, — с важным видом проговорил он. — Мы с Марком рассчитали углы двух его выстрелов и засекли его с точностью до пятидесяти ярдов.

— Но он может поменять позицию, — возразил Шон.

— С северного склона он никуда не денется. Этот склон весь день в тени, даже когда светит солнце. А ему надо стрелять из тени на свет.

Шон кивком выразил согласие: звучит вполне логично.

— Пожалуй, — сказал он. — Но фриц может стрелять и с любой огневой точки на позициях немцев.

— Не думаю, сэр, — спокойно ответил Марк. — В этом месте их позиции далеко.

Германские укрепления действительно располагались по самому гребню холма.

— Ему нужна дистанция покороче. Он стреляет с близкого расстояния. Свою позицию он устраивает на нейтральной полосе и, вероятно, каждый день меняет

ее, но всякий раз подбирается как можно ближе к нашим траншеям, все время оставаясь в тени.

Теперь мальчишка не спотыкался на каждом слове, сосредоточившись на проблеме. Голос его звучал тихо и внушительно.

— Я выбрал для парня хорошую позицию, сразу за фермерским домом, — с авторитетным видом вступил в разговор Фергюс Макдональд; он снова взял на себя роль наставника Марка. — На расстоянии меньше двухсот ярдов весь северный склон перед ним как на ладони. Сейчас выдвинется и устроится на месте, пока темно. Я нарочно посылаю его пораньше. Хочу, чтобы он оказался на месте раньше фрица. Не хватало, чтобы он в темноте наткнулся на эту сволочь. А потом мы подождем, пока станет светло и ясно, и я начну работать здесь с Катбертом. — Он похлопал по кукле и снова усмехнулся. — Не так-то просто, черт побери, заставить его двигаться, чтобы получилось натурально, будто неопытный новобранец высовывает голову, чтобы в первый раз посмотреть из окопа на Францию. Если держать на виду долго, он обо всем догадается, а если слишком быстро убрать, он не успеет выстрелить. Да, не так-то это просто.

— Можно себе представить, — язвительно пробормотал Шон, — это самая опасная и трудная часть работы.

Снова повернувшись к Марку, он успел-таки заметить, как на лице Фергюса Макдональда мелькнуло выражение неприязни.

— Ну, еще кружечку кофе, парень, и пора двигаться. Пока не перестал снег, тебе надо оказаться на месте.

Шон полез во внутренний карман шинели и достал серебряную фляжку, которую Руфь дала ему с собой, когда полк отправлялся в Европу.

— Сделай кофе покрепче, — сказал он, протягивая ее Марку.

Тот смущенно помотал головой:

— Спасибо, сэр, не надо. От этого глаз косит.

— А можно мне, если вы не против, сэр? — быстро встрял Фергюс Макдональд и так же быстро протянул руку над жаровней.

Прозрачная коричневатая жидкость свободно забулькала ему в кружку.

Еще до наступления полуночи вахмистр послал людей проделать в колючей проволоке перед позицией взвода «А» проход.

Марк остановился перед окопной стремянкой и взял винтовку в левую руку. Над головой взлетела еще одна ракета, и в ее свете Шон увидел, насколько решителен и сосредоточен этот парень перед выполнением своей задачи. Он отдернул затвор, и Шон заметил, что это не стандартная, укороченная винтовка системы Ли-Энфилда, рабочая лошадка британской армии, а американская Р-14, которая тоже стреляла патронами калибра .303, но ствол имела длиннее и прицел гораздо точнее.

Марк вставил в магазин две обоймы и закрыл затвор, загнав один тщательно выбранный и смазанный патрон в патронник.

В последние мгновения, пока горела ракета, он посмотрел на Шона и едва заметно кивнул. Ракета погасла, и в наступившей темноте Шон услышал быстрые и легкие шаги вверх по перекладинам стремянки. Ему хотелось сказать: «Удачи тебе», но он подавил этот порыв и стал хлопать по карманам, ища сигары.

— Пойдемте обратно, сэр? — тихо спросил капитан.

— Шагай один, — проворчал Шон; голос его прозвучал грубовато, словно в предчувствии надвигающейся трагедии. — Я еще постою здесь.

Хотя толку в этом не было никакого, ему почему-то казалось, что если он сейчас уйдет, то оставит этого мальчика одного.

Марк быстро передвигался вдоль шнура, проложенного дозорными, который вел его к проходу сквозь колючую проволоку, проделанному для него саперами.

Двигался он пригнувшись, держа шнур в левой руке, чтобы не потерять; в правой он нес винтовку. Ноги переставлял осторожно, ступал легко, стараясь не волочить их по снегу, а вес тела распределял равномерно на каждую ногу, чтобы не сломать успевший образоваться наст.

Но каждый раз, когда взлетала осветительная ракета, приходилось падать лицом вниз и неподвижно лежать, съжившись; темное пятно в свете ракеты на белом снежном покрове маскировалось только непрерывно и густо падающим снегом. Когда гасла ракета и наступала темнота, он снова вскакивал и двигался дальше, понимая, что оставил за собой пятно тронутого снега. Как правило, никто этому не придавал большого значения, поскольку в изрытой взрывами снарядами пустыне ничейной земли такие отметины незаметны. Но Марк знал, что на рассвете каждый дюйм ничейной земли станет внимательно изучать пара глаз человека непростого, отыскивая на ней только ему понятные знаки.

Его вдруг охватил леденящий холод одиночества, казавшийся даже холоднее наполненного ледяными снежинками воздуха. Все его существо пронизало чувство незащитности, которое возникает, когда тебя поставили против опытного и беспощадного врага, невидимого, страшного и искусного, который не задумываясь убьет при малейшей твоей ошибке.

Очередная ракета упала и погасла; он снова вскочил на ноги и, спотыкаясь, двинулся к темной полуразрушенной стене бывшего фермерского дома. Возле нее присел на корточки, пытаясь восстановить дыхание, — страх сжимал горло, мешая дышать. Столь сильное чувство ужаса перед неизвестностью он испытал впервые в жизни. Что такое страх — Марк хорошо знал: последние два года это чувство постоянно сопровождало его, но такого парализующего ужаса он не испытывал еще никогда.

Он тронул пальцами холодную как лед щеку: она дрожала, и зубы, словно за компанию, выбивали мелкую дробь.

— Если так пойдет дело, как я буду стрелять? — в отчаянии прошептал он. До боли сжав челюсти, сложил ладони вместе и сунул их между ног в попытке унять дрожь. — И здесь оставаться нельзя.

Ну да, здесь его обнаружить легче всего. Немецкий снайпер в первую очередь будет внимательно изучать эти руины. Надо выбираться отсюда побыстрее. И двигать обратно к своим траншеям. Жуткий страх превратился в настоящую панику; как безумный, он поднялся, собираясь бежать обратно, даже готов был бросить здесь приклоненную к стенке винтовку.

— Bist du da?¹ — тихо прошептал кто-то в темноте совсем рядом.

Марк мгновенно застыл на месте.

— Ja², — прозвучал ответ у стены подальше.

Левой рукой Марк нащупал винтовку; правая рука взялась за рукоятку пистолета, указательный палец привычно лег на спусковой крючок.

— Komm, wir gehen zurück³.

Совсем близко от Марка прошла чья-то тяжело нагруженная фигура; он почти не видел ее, скорее чувствовал. Готовый в любой момент снять палец с предохранителя винтовки, Марк повел стволом вслед. Немец тяжело споткнулся на ненадежном снежном полотне; катушка с проводом и инструменты, которые он тащил на себе, глухо лязгнули друг о друга. Немец выругался:

— Scheisse!⁴

— Halt den Mund⁵, — отозвался другой.

И они двинулись дальше в сторону немецких траншей, проходящих наверху, по гребню холма.

Марк никак не мог ожидать, что в такую погоду немцы вышлют команду к проволочным заграждениям.

¹ Ты тут? (нем.)

² Да (нем.).

³ Пошли, двигаем обратно (нем.).

⁴ Дерьмо! (нем.)

⁵ Заткнись (нем.).

Смит У.

С 50 Падение с небес : роман / Уилбур Смит ; пер. с англ. В. Яковлевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 704 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20302-0

Окончена Великая война, и генерал Шон Кортни возвращается из окопов Франции в Южную Африку — к славе, богатству, высокому положению. Но родина по-разному встречает героев: Марк Андерс, молодой солдат, чью отвагу так ценил генерал, приходит домой ни с чем — его дед убит, а имущество захвачено неизвестной компанией. Вскоре он выясняет, что сделку с его семейной фермой провернул сын генерала Дирк Кортни — умный, жестокий, беспринципный человек, одержимый жаждой власти и ненавидящий своего отца. Марк клянется отомстить обидчику, и судьба дарит ему этот шанс. На выжженной солнцем южноафриканской земле нет места для них двоих.

Роман из цикла о неукротимых Кортни, чей девиз: «Я выдержу».

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Литературно-художественное издание

УИЛБУР СМИТ
ПАДЕНИЕ С НЕБЕС

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Юлия Зачесова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Валерий Камендо, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.11.2021. Формат издания 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 31,02.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBB-29153-01-R